

Мать Мария

*В рубаху белую одета...
О внутренний мой человек.
Сейчас еще Елизавета,
А завтра буду - иярек.*

Так написала накануне своего пострижения в монахини в марте 1932 года Елизавета Скобцова - Елизавета Кузьмина-Караваева, поэтесса «серебряного века», входившая в круг известных литераторов и философов (А.Блок, Вяч.Иванов, Н.Гумилев, Н.Лосский, Н.Бердяев, С.Булгаков).

Пострижение совершил глава Русской зарубежной церкви митрополит Евлогий в Париже, в храме Сергиевского подворья. Елизавета получила новое имя - Мария, в честь святой Марии Египетской, и стала известна впоследствии как мать Мария - монахиня в миру. (Такая форма служения Богу была достаточно распространена в православной церкви в начале двадцатого века, особенно на территории Советского Союза, где подчас иное служение было просто невозможно. В наши дни Юбилейный Архиерейский Собор Русской православной церкви сделал ограничения на этот счет). Мария Египетская ушла в пустыню к зверям, а мать Мария была направлена в мир к людям, с которыми, по замечанию митрополита Евлогия, «часть труднее, чем со зверями».

Еще до этих событий разочарованной в «духовных поисках» русской интеллигенции начала века, пережившей неразделенное чувство к Александру Блоку Елизавете Кузьминой-Караваевой пришлось стать очевидцем революции и гражданской войны.

Удивительно точно описывает она атмосферу собраний в «башнях» Вячеслава Иванова: «Непередаваем этот воздух 1910 года. Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции. В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадничество - чаяние новых катастроф и сдвигов. Мы жили среди огромной страны словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоты, - в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура - цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира... Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все са-

мое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были революция до революции, - так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее... Мы были последним актом трагедии - разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась всероссийская снежная пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками».

Постепенно от безверия, от «башен», от вседозволенного эстетства и бездействия Е.Кузьмина-Караваева приходила к обретению смысла жизни, к обретению веры. Ее жизнь была очень бурной: например, в 1918 году она была избрана городской головой города Анапы. Насколько хватало сил, она защищала интересы простых людей и России. Вот как она писала в своих воспоминаниях об одном критическом инциденте в своей деятельности:

«Я подошла к кафедре и ударила кулаком по столу: «Я хозяйин города, и ни копейки вы не получите». В зале стало еще тише. Председатель Потапов опустил голову. А один из матросов заявил: «Ишь, баба». Я опять стукнула кулаком: «Я вам не баба, а городской голова». Тот же матрос уже несколько иным тоном заявил: «Ишь, амазонка». Я почувствовала, что победа на моей стороне».

С января 1924 года Елизавета Кузьмина-Караваева обосновалась в Париже. Хлебнувшая нищей эмигрантской жизни, похоронившая свою дочь Анастасию, Елизавета Кузьмина-Караваева тем не менее пришла к Богу не от отчаяния, а от вызревшей в ней глубокой веры.

*Искала я таинственное племя,
Тех, что среди ночи остаются зрячи,
Что в жизни отменили срок и время,
Тех, что умеют радоваться в плаче.*

И она такое «племя» нашла - «племя» христианское. Она стала матерью всех отчаявшихся, потерявших веру, оказавшихся на дне. О ней говорили, что она не знала границ в добротворчестве, трудилась до полного изнеможения. Критик К.Мочульский так писал о

ней: «Она не признает законов природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт - материальный и духовный».

На удивление окружающих при полном отсутствии личных средств она смогла открыть женский пансионат, затем дом для выздоравливающих, затем целый ряд других заведений. Это кажется невозможным, но она в своих пансионатах большей частью сама ходила на рынок, убирала, готовила пищу, расписывала домовые церкви, вышивала для них иконы и плащаницы.

В 1935 году по инициативе м.Марии создается общество «Православное дело». Загруженная до предела человеческих возможностей, она, тем не менее, еще выступает с докладами и беседами. Многие темы говорят сами за себя: «Православное служение в миру», «О любви к человеку», «За что мы несем ответственность?», «Личное покаяние».

Когда Германия напала на Советский Союз, м.Мария сказала друзьям: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит». В оккупации во Франции м.Мария не прекращает своей благотворительной работы, но теперь еще занимается укрытием патриотов, бежавших военнопленных, евреев, ведет себя порой просто вызывающе по отношению к оккупантам.

9 февраля 1943 года она была арестована и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. За неделю до освобождения лагеря Красной Армией м.Мария была казнена в газовой камере.

В декабре 2001 года исполнился 101 год со дня рождения поэтессы. Вглядываясь в страницы ее жизни, хочется припомнить слова нашего современника отца Романа: «Аще и правый спасется едва, где же обрящуся Аз?»

Анна ВОСТРЕЦОВА.
По материалам книги «Равнина Русская» (Издательство «Искусство-СПБ», 2001 год).

Елизавета Кузьмина-Караваева

Кто я, Господи?

Лишь самозванка,

Расточающая благодать.

Каждая царапинка и ранка

В мире говорит мне, что я мать.

Только полагаться уж довольно

На одно сцепление причин.

Камень, камень Ты краугольный,

Основавший в небе каждый чин.

Господи, Христос-чиноположник,

Приобщи к работникам меня,

Чтоб ответственной

и осторожной

Расточать мне искры от огня.

Чтоб не человеческим

благодарушем,

А Твоей сокровищницей сил

Мне с тоской бороться

и с удушьем,

С древним змием,

что людей пленил.

За каждый день,

за каждый день отвечу,

За каждую негаданную встречу,

За мысль и необдуманную речь,

За то, что душу засоряю пылью

И что никак я не расправлю

крылья,

Не выпрямлю усталых этих плеч.

За царский путь

и за тропу пастушью,

Но главное - за дани малодушью,

За то, что не иду я по воде,

Не думая о глубине подводной,

С душой, такой крылатой

и свободной,

Не преданной обиде и беде.

О Боже, сжался

над Твоею дочерью!

Не дай над сердцем

власти малOVERЬЮ.

Ты мне велел, - не думая, иду.

И будет мне по слову и по вере

В конце пути такой спокойный

берег

И отдых радостный в Твоем саду.

У брата крепкий дом

и много золота,

На каждой двери у него замок,

Не пустит он бродягу на порог,

Разумный брат, -

он не боится голода.

Моя душа давно нема от холода.

И крыша ей давно небесный свод.

Вокруг все голодающий народ,

Она ж безумно не боится голода.

У брата время

точно все размерено.

Срок - что приобретать,

срок - отдыхать.

Днем суета, а ночью - на кровать.

И он живет спокойно и уверенно.

А мера у души моей потеряна:

То я ничто, то кто-то за меня

Ночами чертит буквы из огня,

И я живу спокойно и уверенно.

И брат придет

с смертельной усталостью,

Вне бытия к ногам Твоим, Судья.

И медленно поднимется бадья,

Гружена добродетельною

малостью.

И я приду с смертельною

усталостью

И скажешь Ты: зачем же отдавать

Дарованную мною благодать,

Ничем не оправдать тебя, -

лишь жалостью.

Присмотришься - и сердце узнает,

Кто Ветхого, кто Нового Завета,

Кто в Бытии,

и кто вступил в Исход,

И кто уже созрел в Господне лето.

Последних строк грядущие дела

Стоят под знаком

Женщины родящей,

Жены с крылами горного орла,

В пустыню мира Сына уносящей.

О, чую шелест этих дивных крыл

Над родиной, над снеговой

равниной.

В снегах нетающих

Рожденный был

спасен крылами Женщины

орлиной.

И в эту лямку радостно

впрягусь, -

Хоти лишь, сердце, тяжести и боли.

Хмельная, нищая, святая Русь,

С тобою я средь пьяниц

и средь голи.

О Господи, Тебе даю обет, -

Я о себе не помолюсь веками, -

Молюсь Тебе,

чтоб воссиял Твой свет

В унылом этом пьяном человеке.

В безумце этом или чудеке,

В том, что в одежде драной

и рабочей,

Иль в том, что учится на чердаке

Или еще о гибели пророчит.

Европы фабрики и города,

Европы фермы, шахты и заводы, -

Их обрести Господь привел сюда

Необретаемой свободы.

И средь полей и городов молюсь

За тех, кто в этой жизни

вечно голы, -

Хмельную, нищую, святую Русь

Ты помани у Твоего престола!